

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века

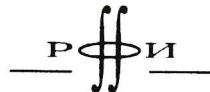
Ответственные редакторы
В.А. ТИШКОВ, Д.Д. ТУМАРКИН

Составитель
Д.Д. ТУМАРКИН

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 39 + 572
ББК 63.5 + 28.71
B92

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект № 03-06-87036*

Рецензенты:

доктор исторических наук Р.Ш. Джарылгасинова,
кандидат исторических наук М.М. Керимова

На переплете:

*Музей антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург);
высотное здание Президиума РАН, в котором находится
Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)*

Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Сост. Д.Д. Тумаркин; Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. – М.: Наука, 2004. – 716 с. – ISBN 5-02-009844-2 (в пер.)

В книге исследованы жизненный путь и научное наследие 20 выдающихся ученых, во многом определивших пути развития этнологии и антропологии в нашей стране в XX в., – от Д.Н. Анутина и Л.Я. Штернберга до В.П. Алексеева и Ю.В. Бромлея. Анализ их вклада в науку свидетельствует об огромных успехах, достигнутых за столетие этими дисциплинами, несмотря на идеологические препоны, репрессии и жесткое огосударствление науки в советский период. Книга основана на широком круге источников, включая труды и переписку самих ученых, архивные документы, материалы, хранящиеся у родственников и потомков, воспоминания, уникальные фотографии.

Для этнологов, антропологов и ученых смежных специальностей, преподавателей, студентов и более широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки.

ТП 2004-II-№ 30

ISBN 5-02-009844-2

© Тумаркин Д.Д., составление, 2004
© Коллектив авторов, 2004
© Российская академия наук, 2004
© Издательство “Наука”, художественное оформление, 2004

О.Б. Наумова

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАУКЕ:
СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ
ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ СУХАРЕВОЙ

Дорогой Татьяне Александровне

с сердечной благодарностью за помощь

в написании этой статьи и с

теплыми воспоминаниями

о премии – Вашем –
секторе ...

Наумова

Однажды, как бы подводя итог жизни, замечательный этнограф Ольга Александровна Сухарева писала своей подруге А.К. Писарчик: “Изложение многих направлений, в которых я работала, начиная с Таджикинпрosa в 20[-х] годах, издательств разных, тем, над которыми я работала, – и в самом деле получилось очень длинным. Но действительно, это делалось, и все эти работы написаны. Я подумала и почувствовала, какую же долгую жизнь я прожила...”¹ Большую часть этой долгой жизни О.А. Сухарева отдала своему любимому делу – этнографии.

Ольга Александровна Сухарева (1903–1983) – крупнейший отечественный специалист по этнографии Средней Азии. Ученица А.А. Семенова и М.С. Андреева, продолжившая лучшие традиции русского востоковедения, она обладала энциклопедическими знаниями – была этнографом, историком-востоковедом, филологом-иранистом, искусствоведом и религиоведом. Все ее исследования основаны на собственном оригинальном, подчас уникальном этнографическом материале. Уроженка Средней Азии, Ольга Александровна уже с 15 лет осознанно изучала жизнь местного населения. Это была жизнь людей, с которыми она тесно дружила, наблюдала их изо дня в день, знала их судьбы и все стороны их быта. Безупречно владея таджикским языком и хорошо зная узбекский, она могла замечать такие тонкости народной жизни, которые недоступны при обычных расспросах. Таким образом, ее полевой материал – это результат 25–30-летнего стационарного исследования, жизни этнографа среди изучаемого народа. И позднее, когда она переехала в Ташкент, а затем в Москву, она, продолжая ездить в экспедиции, неутомимо дополняла и уточняла свои познания народной жизни. Удивительно, а может быть, и закономерно, что при таких обширнейших знаниях этнографии народа, она не раз говорила, что работа этнографа сродни труду человека, черпающего ложкой море. При этом Ольга Александровна была не только собирателем и знатоком огромного этнографического материала, но и крупным исследователем. Среди ее работ нет описательных – все они поднимают и решают самые разные проблемы среднеазиатской или общей этнографии.

Однако, как и о многих других крупных советских этнографах-востоковедах, о жизни О.А. Сухаревой написано пока крайне скучо². Данная статья не претендует на историографический анализ ее научных работ, ставших сегодня классическими трудами по этнографии Средней Азии. Это – попытка более подробно познакомить читателя с жизнью Сухаревой – ученого-этнографа и замечательного человека. Автор настоящей статьи стремилась воссоздать канву жизни и научную биографию Ольги Александровны и показать ее такой, какой она осталась в памяти родных и коллег. Статья не могла бы быть написана

без помощи ее дочери, Елены Рубеновны Акбальян, которая предоставила мое распоряжение “Автобиографию” матери и ее записи о родителях³. Е.Р. Акбальян щедро делилась своими воспоминаниями о жизни их семьи в Самарканде, частично описанными в ее повести “Талисман”⁴, а также в Ташкенте и Москве. Трудно переоценить помощь, полученную мною от Т.А. Жданко, возглавившей сектор Средней Азии и Казахстана в Институте этнографии АН СССР (ИЭ) с 1953 по 1987 г. Она сохранила письма Сухаревой за 1955, 1956, 1958 и 1966 гг.⁵, поделилась со мной материалами, касающимися научной деятельности Ольги Александровны, и воспоминаниями о ней, которые я записала на диктофон. Ценные сведения о жизни Сухаревой я получила из рассказов ее коллег по работе в Москве и Ташкенте, в частности от Н.П. Лобачевой и Т.Х. Ташбаевой, а также от Л.А. Чвыры, некоторое время работавшей с Ольгой Александровной в секторе Средней Азии и Казахстана ИЭ и надолго сохранившей дружеские отношения с ней и ее дочерьми. В статье использованы документы, касающиеся научной деятельности Сухаревой, из архива Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА) – ее личное дело, протоколы заседаний сектора Средней Азии, на которых она не раз выступала; в архиве существует фонд О.А. Сухаревой, содержащий ее рукописи и рабочие материалы.

Многое в биографии О.А. Сухаревой еще остается невыясненным. Есть пробелы в датах раннего периода ее жизни, переезда семьи Сухаревых из Самарканда в Ходжент и Фергану, мало сведений о ее учебе в гимназии и университете и первых годах работы в Ташкенте и Самарканде. Требуют уточнения список ее учеников, маршруты и время ее экспедиций и т.п. Все эти детали, а также, вероятно, много новых биографических сведений можно будет почерпнуть, изучая архивы тех самарканских и ташкентских учреждений, где работала Ольга Александровна. Если же удастся найти ее письма, а адресатов у нее было много: родные, подруги по университету, коллеги-ученые, информаторы, – это станет бесценным источником для восстановления и событий ее жизни, и “лаборатории” ее научной работы, так как, судя по письмам, сохранившимся у Т.А. Жданко, Ольга Александровна подробно писала обо всем, что ее волновало. Можно только позавидовать будущему биографу исследовательцы – он встретится с крупным ученым, незаурядным человеком, имевшим высокие нравственные принципы и достаточно твердый характер, с научным работником строгой внутренней дисциплины и в то же время с открытой, доброжелательной и обаятельной женщиной – ее лукавый взгляд, полный мягкой иронии, хорошо помнят все ее друзья и коллеги.

* * *

В детстве Ольга Александровна слышала, что по линии Габовых – бабушки со стороны ее отца, их род восходит к Суворову, однако ничего более определенного без специальных генеалогических изысканий по этому поводу сказать нельзя. В семье Сухаревых к таким предположениям относились скептически. Более реальным считался факт происхождения прадеда или прапрадеда Ольги Александровны от татарского мальчика. По семейному преданию, мальчика подбросили в русское село Сухаревку, “село его воспитало, крестило, потом женило на русской девушке, а сельский дьячок обучил его грамоте”⁶.

В Туркестанском крае Сухаревы обосновались со временем его завоевания русскими. Первым из рода Сухаревых оказался в Средней Азии дед Ольги Александровны, Александр Петрович Сухарев (1845 – не ранее 1895 г.), пришедший

в Самарканд с русскими войсками в конце 1860-х годов. В войсках он был писарем, а оставшись в Самарканде, поступил на службу в Областное правление⁷. Свою жену, Надежду Семеновну Габову, он привез “из России на верблюдах”⁸, вероятно, из Уфимской губернии, так как имение Габовых было под Уфой. Из 18 детей супругов Сухаревых выжило 9 – шесть сыновей и три дочери. Точный год смерти А.П. Сухарева пока установить не удалось. Сама Ольга Александровна в своей “Записке” указывает 1893 (пишет, что извещение об этом было напечатано в “Справочной книжке Самаркандской области на 1893 год”) или 1894 г., так как, по ее сведениям, ее отцу было 19 лет, когда умер дед. Однако в “Справочных книжках Самаркандской области” и на 1894, и на 1895 гг. Александр Петрович Сухарев указан как делопроизводитель Строительного отделения Областного правления, причем в 1895 г. он был повышен в чине – стал надворным советником.

Отец Ольги Александровны, Александр Александрович (1875–1918⁹) был старшим сыном. Он и его братья и сестры как дети служащего, оставшегося в крае, учились на казенный счет: мальчики – в Оренбургском кадетском корпусе, девочки – в прогимназии. Когда Александру было 12 лет, он в Оренбурге заболел брюшным тифом. В результате вызванного осложнением абсцесса ему пришлось ампутировать ногу, и всю оставшуюся жизнь он ходил на деревянной ноге. Дед Ольги Александровны умер, когда ее отцу было, по-видимому, около 20 лет, и тот должен был сразу поступить на службу, чтобы помочь матери. Он работал чертежником в Самарканде и готовился к экзаменам в каком-то Тифлисском учебном заведении, где получил специальность техника путей сообщения. Однако вследствии он занимался строительством гражданских зданий. Когда родилась Ольга Александровна, он был городским техником строительного отделения Областного правления¹⁰, позднее занимал должность городского инженера и городского архитектора¹¹.

Дед Ольги Александровны со стороны матери, Иван Иванович Андржеевский, обрусевший поляк, был врачом, доктором медицины. Его жена была наполовину немка, и ее мать, прабабка Ольги Александровны, плохо говорила по-русски. В семье Андржеевских было пятеро дочерей и один сын. Сначала они жили в Вятской губернии, где Иван Иванович работал врачом на Ижевских заводах, а затем перебрались в Уфу. Это была музыкальная семья – прекрасно играла третья дочь, Ольга, а старшая, Марианилла Ивановна Андржеевская, родная тетка О.А. Сухаревой, окончила Московскую консерваторию по классу фортепиано у профессора Зилоти (она училась одновременно с Сергеем Рахманиновым), выступала с концертами, “была хорошей шопенисткой”¹². Мать будущего ученого-этнографа, Елизавета Ивановна Андржеевская (1874–1948), была второй дочерью. Она окончила гимназию и получила музыкальное образование. До смерти мужа она давала частные уроки музыки, а потом до 1942 г. работала в школах и детдомах Самарканда преподавательницей¹³.

Родители Ольги Александровны познакомились в имении тетки А.А. Сухарева под Уфой и поженились после того, как Александр Александрович сдал экзамен в Тифлисе. Ольга родилась 15 февраля 1903 г. в Самарканде. Кроме нее, в семье было еще двое детей – сестра Анна (1905–1975) (впоследствии филолог, кандидат филологических наук, преподаватель Ташкентского государственного университета) и брат Иван (1909–1942) (археолог, зам. директора Самарканского музея¹⁴). Семья жила на Ташкентской улице в собственном доме.

Вскоре после рождения дочерей (не раньше 1907 г., так как в 1906 г. Александр Александрович еще работал в Самарканде, в Строительном отделении городским техником, о чем упоминается в Справочнике Самаркандской облас-

ти¹⁵) отца Ольги Александровны перевели в Ходжент (с 1937 г. Ленинабад – Худжанд), где семья прожила несколько лет (отец даже построил большой дом). Русская часть города занимала цитадель на высоком обрыве, одной стороны которой открывался вид на Сырдарью, а с другой – на гористую часть. Из 40 тыс. населения города русские составляли 1 тыс. человек¹⁶. В основном здесь жили таджики, но были и узбеки, татары и др. В Ходженте А.А. Сухарев работал “по строительной части”¹⁷ под руководством Н.С. Лыкошина, в те годы – начальника Ходжентского уезда, прослужившего к тому времени около 30 лет в Туркестанском крае, автора нескольких известных трудов жизни туземного населения. Лыкошин по собственному почину занимался подыми чиновниками узбекским языком, так что Александр Александрович мог говорить на узбекском, и это помогало ему в работе с местными мастерами. Эти мастера не раз приглашали его с женой на семейные праздники, особенно из таких посещений супруги Сухаревы получили в подарок небольшой ковер. “В ответ однажды, – вспоминает Ольга Александровна, – когда мы жили в Ходженте, к нам были приглашены на елку дети мастеров с их матерями и бабушками. Детям были приготовлены подарки: девочкам куклы, мальчикам лягушки и один ослик, качающий головой”¹⁸. Может быть, и эти детские впечатления сыграли свою роль в выборе ею профессии этнографа.

Когда Ольге было 6–7 лет, отца перевели в Скобелев (сейчас – Фергану), где он работал при строительном отделении Ферганского областного прокурора в должности младшего архитектора¹⁹. В этом городе, на Ошской улице, семья Сухаревых прожила около шести лет. Ферган в то время считалась одним из лучших городов Туркестана по условиям жизни: здесь было обилие хороших вод, широкие, обсаженные деревьями улицы, сады и парки, имелись мужская и женская гимназии, больница, библиотека, областной музей²⁰. Вероятно, здесь Ольга начала учиться в женской гимназии (заканчивала уже в Самарканде). Большинство населения г. Скобелева в то время составляли русские (7,5 тыс. из 11 тыс. человек), туземное население состояло в основном из узбеков, но встречались и таджики, киргизы, армяне, кашгарцы, персы и др.²¹

В 1916 г. А.А. Сухарева снова перевели в Самарканд. В это время Ольга и ее брат болели брюшным тифом, и оставшееся семейство переехало в Самарканд уже после Февральской революции.

После смерти отца в 1918 г. мать осталась с тремя детьми в крайне стесненных обстоятельствах. По сведениям Е.Р. Акбальян, им на помощь пришел друг А.А. Сухарева, пригласивший их на лето в свой фруктовый сад в пригороде Самарканда, где они могли заработать деньги на сборе фруктов и прокормиться. Ольга работала там на калифорнийской сушке фруктов. Надо было серой окунивать кишмиш и абрикосы и засыпать их на подносы. В то лето Ольга выучила таджикский язык. Вот как вспоминала об этом она сама: “Вместе со мной работало еще десять мальчиков из местных. И я решила сама выучить язык. Поставила себе задачу – каждый день не меньше десяти слов выучивать. Сначала названия, потом действия. Иногда я делала ошибки, а мальчики подшучивали надо мной. С 15 лет я уже могла записывать на таджикском языке”²². Вероятно, именно с этого времени Ольга Александровна стала серьезно интересоваться не только языком, но и бытом местного населения. Во всяком случае позже она писала, что начала собирать материал по верованиям самарканских таджиков, начиная с 1918 г.²³

Учась в старших классах Самаркандинской женской гимназии, Ольга начала работать в Статистическом управлении учетчицей демографической и бюджетной переписи 1920 г., затем участвовала в обработке ее материалов²⁴. Шко-

ду она закончила в 1921 г. и в том же году вышла замуж за молодого художника-самарканца Рубена Агабековича Акбальяна (1902–1986). Его отец еще мальчиком приехал из Карабаха в Самарканд, где в то время было много армян, работал портным и в конце концов стал довольно крупным торговцем, хозяином магазина готового платья. Муж Ольги Александровны был очень артистичен, прекрасно читал стихи и в молодости стоял перед выбором – стать художником или пойти в артисты.

По настоятельной просьбе матери Ольги Александровны, которая была глубоко верующим человеком, молодожены обвенчались в кладбищенской церкви Ташкента (в этот город Сухарева поехала учиться). Ольга Александровна была совсем не религиозна, она и ее муж отнеслись к этому церковному таинству, как к занимательному обряду. Ольга Александровна рассказывала старшей дочери, как они, обвенчавшись, выбежали из церкви и расхохотались.

В том же, 1921 г., Сухарева поступила в Туркестанский восточный институт (ТВИ) в Ташкенте²⁵. Самостоятельная жизнь Ольги Александровны, тогда молодой 18-летней девушки, в общежитии Института (муж уехал на учебу в Москву) способствовала осознанному формированию ее характера. В молодости она была очень вспыльчива. Будучи уже пожилым человеком, она рассказывала, что в общежитии никто не обращал внимания на ее эмоциональные вспышки, и она решила избавиться от этого недостатка. Все, кто знал ее впоследствии, отмечали ее сдержанность в проявлении чувств. Исключительное мужество и выдержку проявляла она в несчастьях, случавшихся в ее семье. Учась в Ташкенте, Сухарева сама зарабатывала себе на жизнь. Она давала частные уроки, а в 1923–1924 гг. работала в Водхозе учетчиком водной переписи²⁶.

Туркестанский восточный институт, первое высшее востоковедческое учебное заведение в Средней Азии, начал работу в 1918 г. Одним из его организаторов и первым энергичнейшим руководителем был крупный туркестановед, этнограф, член-корреспондент АН СССР (с 1929 г.) Михаил Степанович Андреев (1873–1948). Под его руководством был составлен проект Положения о Восточном институте (утвержден в 1921 г.), по которому в задачи этого учебного заведения входило “научное исследование Туркестана, его истории, быта, культуры и языков местного населения; создание кадров ученых-востоковедов, создание кадров практических работников, знакомых с языками коренного населения Туркестана и сопредельных стран, в культурном отношении наиболее с ним связанных”²⁷. В 1924 г. ТВИ был включен в состав Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в качестве самостоятельного восточного факультета²⁸. Последний курс Ольга Александровна заканчивала в САГУ.

В ТВИ собралось “созвездие блестящих востоковедов самого высокого класса”²⁹. В то время, когда в Институте училась Сухарева, его возглавлял профессор, член-корреспондент АН СССР (с 1925 г.), крупнейший арабист и исламовед Александр Эдуардович Шмидт (1871–1939), до 1920 г. работавший в Петербургском университете на кафедре арабской словесности. Выдающийся знаток истории Средней Азии, иранист Александр Александрович Семенов (1873–1958) читал введение в иранскую филологию, персидскую филологию и преподавал персидский язык; замечательный собиратель и знаток среднеазиатского фольклора Абубекр Ахмеджанович Диваев (1856–1932) – этнографию казахов и казахский язык; М.С. Андреев – персидский язык, этнографию таджиков, историко-географический обзор Афганистана, таджикские наречия; известный географ, историк и этнограф Средней Азии Николай Гурьевич Малицкий – географию Западного Туркестана, экономическую географию Туркестана и этнографию сартов; тогда еще молодой ученый, а позднее известный

востоковед, ученик В.В. Бартольда и С.Ф. Ольденбурга Иван Иванович Умняков (1890–1976) – историю мусульманского Востока, Петр Евдокимович Кузнецов преподавал узбекский язык³⁰. До 1922 г. с ТВИ сотрудничали В.В. Бартольд, читавший там курс истории Туркестана, тюрколог С.Е. Малов, лингвист и востоковед Е.Д. Поливанов, лингвист и этнограф И.И. Зарубин и др.

Ближайшими учителями Ольги Александровны в ТВИ и в САГУ были А.А. Семенов и М.С. Андреев³¹. Семенов в начале 1920-х годов помимо персидского языка и литературы читал историю исследования и археологию Туркестана. Ученый большой эрудиции, к тому времени он был автором известных работ по истории, филологии, археологии, этнографии, истории искусства среднеазиатских народов; его лекции были насыщены фактическим материалом. Он пользовался большим уважением студентов, в 1920 г. они даже предлагали ему баллотироваться в ректоры ТВИ³².

Несомненно, на становление Ольги Александровны как ученого-этнографа оказал большое влияние М.С. Андреев. Б.В. Лунин считает, что можно говорить о появлении в стенах ТВИ научной этнографической школы, связанной с именем Андреева. Его студентами были такие известные этнографы, как Е.М. Пещерева и А.Л. Троицкая, учившиеся на два курса старше Сухаревой, В.Г. Мошкова, однокурсница Ольги Александровны, Н.Н. Ершов и А.С. Морозова, закончившие САГУ несколькими годами позже³³. М.С. Андреев был учеником В.П. Наливкина, от которого он усвоил понимание того, что “занятия этнографией требуют безуокоризненного знания языков и, в свою очередь, познать до конца язык, как и душу народа, нельзя, не изучая его быт, обычаи, фольклор”. Он обладал обширными и глубокими знаниями в области этнографии и лингвистики Средней Азии, Ирана, Афганистана, Восточного Туркестана и Индии и был “непревзойденным собирателем материала”³⁴. Знание местных языков и любовь к полевой работе – эти качества он передал своим ученикам.

Несмотря на плохое положение с учебными пособиями в первые годы существования, к 1923 г. в ТВИ была создана библиотека, насчитывающая до 5300 томов и 200 рукописей по самым разнообразным отраслям востоковедения. Работал и научный кружок, возглавляемый И.И. Умняковым, в деятельности которого участвовала Ольга Александровна. На его заседаниях она неоднократно делала доклады и одно время была его председателем³⁵. В частности, ее доклад о браке и свадебных обрядах таджиков Шахристана был напечатан в 1928 г. в сборнике кружка³⁶. На эту тему Ольга Александровна написала свою дипломную работу (175 с.), хранящуюся в архиве ИЭА РАН.

В ТВИ и САГУ Сухарева получила прекрасную языковую подготовку. Она изучала узбекский и таджикский (кстати, единственная из плеяды будущих этнографов пришла в Институт со знанием таджикского языка). А.А. Семенов и М.С. Андреев придавали изучению языков первостепенное значение. “Язык отражает жизнь, и его надо изучать как живой организм”³⁷, – вспоминала Ольга Александровна слова М.С. Андреева. Сам Андреев, преподававший таджикский язык, знал его в совершенстве. Один из слушателей Таджикского института просвещения вспоминал, что когда Андреев обратился к ним по-таджикски, они “даже не сразу ответили. Нам казалось удивительным, что русский человек может так чисто говорить по-таджикски”. Еще больше поразило их, что он владел “чуть ли не всеми говорами таджикского языка”³⁸. По настоянию Андреева студенты ТВИ во время каникул отправлялись в командировки в различные районы края для языковой практики³⁹. Ольга Александровна проходила такую практику в Ура-Тюбинской волости Ура-Тюбинского (Истаравшанского) вилайета Таджикской АССР (ныне Согдийская область Таджикистана).

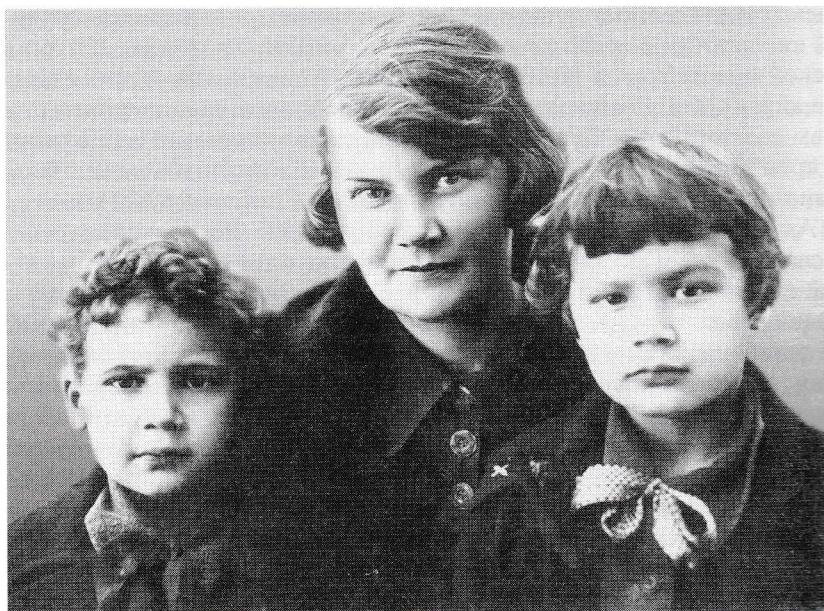
Насколько блестяще владела Ольга Александровна таджикским, рассказывала ее ученица, доктор исторических наук Т.Х. Ташбаева. В 1960-е годы с Сухаревой она собирала полевой материал в Самарканде. Однажды они пришли в чайхану для пожилых людей, и Ольга Александровна долго разговаривала там со стариками-таджиками, один из которых повел ее показывать остатки крепостной стены. Остальные обратились к Ташбаевой: “Почему эта женщина так похожа на русскую?” И сколько ни старалась она убедить их, что Ольга Александровна – русская, ей это не удалось: “Скажи ей, пусть она проверит свои корни. Так говорить по-таджикски только таджик может”, – говорили ей старики.

Языки, по-видимому, давались Ольге Александровне очень легко. Она знала узбекский, правда, не так блестяще, как таджикский. Она могла говорить по-узбекски, собирала полевой материал в узбекских кишлаках. Однако письменным языком владела не настолько хорошо, как сама хотела бы. Выйдя замуж, она какое-то время жила в семье мужа, где говорили на бытовом армянском языке. Ольга Александровна освоила армянский и всегда говорила по-армянски со своей свекровью, плохо знавшей русский. Из европейских языков она владела немецким и французским. Е.Р. Акбальян вспоминала, что мама с бабушкой (матерью Ольги Александровны) всегда переходили на французский, когда разговор не предназначался для детских ушей. А когда в середине 1930-х годов в их доме появилась домработница-немка из немцев Поволжья, Ольга Александровна выучила тот диалект немецкого, на котором она говорила (как известно, диалекты российских немцев существенно отличаются от литературного немецкого), и разговаривала с домработницей на этом диалекте.

С 1924 по 1926 г. Сухарева работала преподавателем природоведения в Таджикском институте просвещения (Таджикинпрое) в Ташкенте⁴⁰. Это было учебное учреждение, готовившее учителей для таджикских школ, собравшее в своих стенах таджиков из разных районов и кишлаков: Чуста, Исфары, Самарканда, Бухары, Ура-Тюбе, Пенджикента, Гиссара и др.⁴¹ М.С. Андреев нередко приходил туда со своими студентами, которые учились у него таджикскому языку⁴².

Ольга Александровна окончила слушание лекций и сдала выпускные экзамены в САГУ в 1925 г., а в следующем году поехала в Самарканд, куда ее назначили зав. учебной частью женского таджикского педтехникума. Там она проработала до 1927 г. За это время она написала дипломную работу “Свадьба самарканских таджиков”, защитила ее и после защиты вернулась в Ташкент на прежнюю работу в Таджикинпрое, где стала преподавать географию и родной (таджикский) язык. Кроме того, она начала работать в САГУ в таджикской группе рабфака, обучая студентов таджикскому языку. В то время учебных пособий на таджикском языке почти совсем не было, и Сухарева написала учебник по ботанике на таджикском языке, который вышел в 1927 г.⁴³

Уже к этому времени Ольга Александровна, по-видимому, была авторитетным специалистом в области таджикского языка. Сама она после окончания САГУ какое-то время думала работать в области филологии⁴⁴. Ее привлекли к работе по латинизации таджикского алфавита, которая проходила в 1924–1930 гг. (ранее таджикская письменность основывалась на арабской графике). В частности, для выработки норм литературного языка необходимо было иметь подробную информацию о современных таджикских диалектах. Группе, возглавляемой М.С. Андреевым, было поручено собрать основные сведения по фонетике и грамматическому строю таджикских говоров. Для этого была обследована речь учащихся Таджикинпрое, где тогда работала Сухарева⁴⁵. Результаты этого исследования были опубликованы Андреевым в 1930 г.⁴⁶ В это же время Ольга

О.А. Сухарева с сыном Александром и дочерью Еленой. Самарканд. Конец 1930-х годов

Александровна написала учебник по таджикскому языку для русских (“Руководство к изучению таджикского языка” в двух книгах), который до 1941 г., времена перехода на кириллицу, оставался единственным учебным пособием такого рода⁴⁷. Многие до сих пор считают его лучшим учебником таджикского языка⁴⁸. По вопросам латинизации была издана также брошюра Ольги Александровны (“Имлой нав” – “Новое правописание”) на таджикском языке⁴⁹.

В 1930 г. Сухарева с мужем, который к этому времени окончил в Москве Высший художественно-технический институт (Вхутеин), вернулась в Самарканд. В том же году у нее родился сын Александр, в 1931 г. – дочь Елена, а в 1941 – Марианна. Семья поселилась на Некрасовской улице в небольшом кооперативном глинобитном доме, окруженном садом. Улица шла в гору, дом стоял высоко и за глинобитным дувалом напоминал крепость. Рубен Агабекович много писал, участвовал в художественных выставках и стал одним из первых членов Союза художников Узбекистана. Увлекшись народными ремеслами, он на профессиональном уровне освоил керамическое производство. Рубен Агабекович был человеком вне быта, и все заботы о доме и детях ложились на плечи Ольги Александровны. И в Самарканде, и в Ташкенте, куда потом переехала Сухарева с семьей, в ее доме всегда жила домработница, становившаяся, как правило, членом семьи. Часть бытовых проблем Ольга Александровна перекладывала на нее, иначе справиться с огромным объемом научной и организационной работы было бы невозможно.

В Самарканде Рубен Агабекович получил мастерскую, где и проводил большую часть времени, не вникая в повседневные домашние хлопоты. Но его присутствие в доме было, конечно, ощутимо не только в многочисленных картинах на стенах, но и в любви к живописи и почитании искусства, царивших в семье. Стала художником и младшая дочь О.А. Сухаревой, Марианна. Сама Ольга Александровна тоже тонко чувствовала живопись, и Рубен Агабекович ценил ее мнение. В этом самаркандском доме у них бывали Фальки. От матери Ольга

Александровна унаследовала и любовь к музыке. Е.Р. Акбальян рассказывала, что у нее в памяти сохранилась обычная для того периода жизни картина: Ольга Александровна после дневного отдыха полулежит на диване, рядом сидит отец, и они слушают музыку.

В Самарканде Ольга Александровна работала преподавателем Таджикских центральных педагогических курсов (с 1930 по 1933 г.), переводчиком Таджикского государственного издательства (в 1933 г.), в 1933–1934 гг. преподавала таджикский язык на факультете языка (филологическом) Узбекского государственного университета (УзГУ, с 1960 г. – Самаркандский государственный университет). Т.А. Жданко, которая с 1930 по 1935 г. жила в Самарканде, вспоминает, что Ольга Александровна в начале 1930-х годов в основном занималась филологическими трудами. Сама Сухарева так говорила о том периоде своей жизни: “Я долго думала по языку работать. А потом все-таки решила, что заниматься народной жизнью интереснее”⁵⁰. Она дружила в это время с таджикскими литераторами, в частности с С. Айни, занималась переводами художественной литературы. Хотя официально Сухарева работала переводчиком всего год, но, как писала она в автобиографии 1962 г., занималась литературными переводами с таджикского на русский и с русского на таджикский с 1927 по 1945 г.⁵¹ Самая крупная ее работа в этой области – перевод повести С. Айни “Смерть ростовщика”, вышедшая в 1941 г. и несколько раз переиздававшаяся. В 1956 г. Сухарева переработала этот перевод, и с 1957 г. эта повесть выходила в новой дополнительной редакции⁵². В литературоведческих работах о творчестве Айни отмечалось, что это одна из очень немногих работ, выполненных без подстрочника, непосредственно с оригинала. Наряду с недостатками перевода были отмечены и удачные места, в которых автору удалось передать “и ритм, и образные сравнения, и самый дух оригинала”⁵³.

В 1934 г. начался “музейный период” жизни Ольги Александровны. Она перешла на работу в Самаркандский музей (позднее назывался Государственный музей истории культуры и искусства УзССР им. Икрамова). Он был создан еще до революции усилиями Статистического комитета, возглавляемого М.М. Вирским, членами которого были В.Л. Вяткин, Н.С. Лыкошин и др. В то время Комитет играл большую роль в культурной и научной жизни Самарканда, да и всего Туркестанского края, он занимался издательской и просветительской деятельностью, вокруг него группировалась местная интеллигенция. Самым значительным делом Комитета было создание в 1896 г. Самаркандского музея, фактическим организатором которого и первым директором стал известный археолог, собиратель, издатель и комментатор восточных средневековых рукописей В.Л. Вяткин. Вплоть до 1930-х годов музей в основном занимался археологией, его фонды и экспозиция пополнялись за счет раскопок Афрасиаба. К 1930-м годам в музее были накоплены и этнографические предметы, в подавляющем большинстве не паспортизованные, научно не обработанные и не классифицированные⁵⁴. В 1930 г. в музей приехали по распределению молодые специалисты, окончившие МГУ, – Т.А. Жданко, Г.П. Снесарев, Ю.А. Шибаева. Им была поручена организация экспозиции исторических отделов и отдела по современному быту населения Узбекистана⁵⁵. Они ездили в экспедиции, собирали материал и экспонаты для новых отделов музея.

В это время в музее работал брат О.А. Сухаревой, Иван Александрович, археолог. Он был заместителем директора по научной части, а с 1935 г. – зав. отделом древней и средневековой истории Узбекистана и археологическим кабинетом. До войны он возглавлял всю научную деятельность музея и очень много сделал для реорганизации музея, сбора и систематизации его коллекций, для со-

здания новых экспозиций⁵⁶. Через него молодые московские ученые познакомились и с Ольгой Александровной, а с 1934 г. все вместе работали в музее.

В музее Сухарева сначала была старшим научным сотрудником, а потом заведующей отделом “Труд и быт женщины Узбекистана”. Экспозиция отдела состояла из созданных с помощью манекенов сцен, которые показывали разные стороны быта узбекских женщин в прошлом и в советское время. В отделе Ольга Александровна организовала научную обработку имеющихся поступлений по вышивке, ткачеству и одежде, а также сбор новых материалов. С ее приходом в музей полевая этнографическая и собирательская работа стала вестись параллельно с научно-исследовательской. При деятельном участии Ольги Александровны музей к концу 1940-х годов собрал 5,5 тыс. этнографических экспонатов, объединенных в 116 коллекций, некоторые из них, например, коллекция сузани, имели всесоюзное значение⁵⁷.

Главной научной темой Сухаревой во время ее работы в музее стало изучение вышивки. Обработать музейную коллекцию вышивок ей поручил Иван Александрович, который, как уже упоминалось, был тогда зам. директора по научной части. Речь шла о довольно большой коллекции, составленной из случайных, не паспортизованных поступлений. Ольга Александровна видела свою задачу в том, чтобы “определить вышивки по месту и времени выполнения, раскрыть их роль в быту и подготовить для использования в музейной экспозиции и в научных целях, а также пополнить коллекцию новыми вещами”⁵⁸.

Ольга Александровна серьезно и с большим энтузиазмом подошла к этому делу. Она собрала обширный и уникальный этнографический материал. Татьяна Александровна Жданко вспоминала, что в отделе “Труд и быт женщины” всегда толпился народ, в основном женщины. Сухарева трудилась с ними в музее, ходила к ним домой, работала в пригородах Самарканда, в Ура-Тюбе, Ургуте, Бухаре. “У Ольги Александровны вообще было бесконечное количество знакомств с местными жителями. Она уже давно жила в Самарканде, великолепно знала языки и считалась там своим человеком. Они ее очень любили, очень понимали ее задачи, сочувствовали ее задачам”⁵⁹. Для определения времени создания вышивок Сухарева изобрела собственную методику опроса женщин. Все женщины, и молодые, и пожилые, прекрасно знали состав своего приданого, знали, кто и как его готовил, делали ли в семье или отдавали мастерам и т.п. В приданое же входил целый комплекс вышивок: покрывала, сузани различного назначения, намазлыки и пр. Ольга Александровна выясняла у женщин состав их приданого и время свадьбы, что помогало ей очень точно датировать вышивки.

Сухарева собирала также материал по истории и современному состоянию вышивального дела, его технологиям и характеру употребления вышивок в быту. Она просила мастерниц рисовать известные им орнаменты вышивок, которые вышивали и они сами, и их старшие родственницы, и составляла альбомы с образцами орнаментов, выполненных местными женщинами-рисовальщицами. К 1940 г. в музее хранились альбомы с 232 такими орнаментами⁶⁰. Отдельная область ее исследования была связана с верованиями и демонологией, отраженными в орнаменте. Это очень тонкая и трудная область для сбора полевого материала. Однако безупречное знание языка, уважение, которое исследовательница внушала информаторам своими обширными познаниями, установление доброжелательных и серьезных отношений с женщинами позволили ей избежать “фантастических” или вульгарных интерпретаций орнамента, о которых она с горечью писала, рецензируя некоторые исследования по вышивке⁶¹.

Всюду, куда Ольга Александровна ездила для изучения вышивки, она приобретала новые предметы для музея. Работавшая с ней в то время Жданко вспоминала: “Собирательская ее деятельность – это поразительная деятельность. Она замечательные коллекции собирала. По одежде, и, главное, по вышивке, по сузан – это что-то совершенно необычайное по красоте и по качеству как музейных экспонатов”. В частности, в результате поездки 1937 г. в Бухару в музее появилась коллекция из 42 экземпляров бухарских вышивок, среди которых было несколько уникальных. За время работы Сухаревой в музее ее стараниями коллекция вышивок выросла во много раз. Уже к 1940 г. она включала 800 предметов. На основе собранных материалов Ольга Александровна составила научные описания сузан по районам их производства, ввела часть их в экспозицию музея и организовала выставку по дореволюционной истории сузан. В 1940 г. она подготовила рукопись “История Самаркандской декоративной вышивки с середины XIX в. до революции”⁶². В архиве музея хранились рукописи Сухаревой по вышивке: “Ургутская вышивка”; “Самаркандская декоративная вышивка” (210 с.)⁶³. Сейчас рукописи “Ургутская вышивка”, “История развития Самаркандской декоративной вышивки” и “Бухарская вышивка”, а также рабочие материалы по вышивке находятся в Архиве ИЭА РАН.

Работая в музее, Ольга Александровна одновременно занималась кандидатской диссертацией “Пережитки анимизма у равнинных таджиков”. Тема была сложной и требовала прекрасного владения языком, установления доверительных отношений между ученым и информаторами и умения собирать полевой материал, не лежащий на поверхности. Ольга Александровна первой “открыла” шаманство у таджиков. Материал по религиозным обрядам и верованиям равнинных таджиков она начала собирать в Самарканде, как она писала сама, еще в 1918 г. и продолжала записи вплоть до 1940 г. В 1926, 1928 и 1929 гг. она собирала материал по этой теме в Северном Таджикистане. Беседовала в основном с женщинами, занимавшимися знахарством и шаманской практикой, и теми, кто обращался к ним за помощью. В Ура-Тюбе она присутствовала на кампаниях⁶⁴, попасть на которые постороннему человеку было практически невозможно. По словам писательницы Л.А. Синицыной, Ольга Александровна рассказывала, как ей это удавалось: «(...) я прибегла к хитрости. Стала рассказывать женщинам сон, который якобы мне приснился. Этот “сон” выстраивался таким образом, что мне надо было обязательно провести камлание, успокоить души умерших, которые побеспокоили меня по этому поводу. Женщины заволновались, захлопотали, сказали, какое мне надо приготовить угощение, что купить на базаре, и вскоре провели камлание, на котором я была “главной виновницей”»⁶⁵.

В Самаркандском музее хранилась рукопись Сухаревой, написанная в 1938 г., вероятно, суммирующая все ее полевые материалы по этой теме – “Анимистические представления и остатки шаманства у таджиков в некоторых районах” (151 с.), а также рукопись самой диссертации (140 с.)⁶⁶. Защита состоялась в день рождения Ольги Александровны – 15 февраля 1940 г. – на этнографическом отделении филологического факультета Ленинградского государственного университета. Это была одна из двух первых работ, защищенных в ЛГУ, после того, как ему было дано право присуждения ученых степеней по специальности “этнография”. Официальными оппонентами были выдающийся русский этнограф член-корреспондент АН СССР Д.К. Зеленин и известный тюрколог член-корреспондент АН СССР С.Е. Малов. Они отметили богатство собранного этнографического материала, глубокое изучение автором диссертации всей системы народных верований и всего комплекса на-

О.А. Сухарева (слева) и А.К. Писарчик
Самарканд. 1930-е годы

Во время Великой Отечественной войны О.А. Сухарева продолжала работать в музее. Несмотря на отговоры А.А. Семенова и М.С. Андреева, которые хорошо знали семью Сухаревых, ушел на фронт ее брат Иван Александрович, хотя и имел броню. Он погиб в 1942 г. под Воронежем.

Елена Рубеновна Акбальян, которая была в то время 10–11-летней девочкой, вспоминала, что однажды Ольга Александровна пришла из музея очень расстроенной. Оказалось, что в музей позвонили из обкома партии и потребовали золотошвейный халат в подарок иранскому шаху. «Но я сказала им, – рассказывала Ольга Александровна своей матери, – что у нас нет ни одного настолько малооцененного для науки халата, чтобы его дарить какому-то шаху!» и пригрозила, что пошлет Молотову, тогдашнему наркому иностранных дел, телеграмму с уведомлением. Чем закончилась эта история, не известно, но реакция Ольги Александровны, которая прежде всего думала об интересах науки, очень характерна.

Деньги, выделяемые на приобретение новых экспонатов для музея, во время войны сократили до минимума, и собирательская деятельность стала невозможной. Однако некоторые предметы одежды или образцы вышивки были настолько интересны или ценные, что Ольга Александровна покупала их для музея на свои деньги, иногда последние. Ее дочь описывает в своей книге один из таких случаев на Самаркандском базаре:

«...мы почти бегом спускаемся вниз. И попадаем в царство тюбетеек. Они кольшутся над головой, нанизанные на суровую нитку. Лежат на разостланых тряпцах. А еще, надетые одна на другую, яркими столбиками растут прямо из паранджей, скрывающих неподвижные женские фигуры. Мама обо всем уже забыла и разбирает столбик за столбиком... И вдруг она вцепляется в скромную, небогатую вышивки тюбетейку.

родных представлений, анализ тюркских заимствований, умело привлеченный сравнительный материал. Информация о защите была опубликована в «Советской этнографии» за 1941 г. (№ 5). Позднее Ольга Александровна опубликовала эту диссертацию, переработанную в виде большой статьи, в сборнике «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии» (М., 1975).

Защита диссертации была связана с трагическим для Ольги Александровны событием. За несколько дней до защиты умер от менингита ее любимый десятилетний сын. Она не перенесла защиты на более поздний срок, но просила свою близкую подругу А.К. Писарчик, которая в то время жила в Самарканде и тоже работала в музее, не оставлять ее ни на минуту одну. Именно после этого у нее появился и надолго сохранился судорожный вздох.

— Посмотри, — шепчет она. — Это же парашюты!

Теперь вижу и я, да, настоящие парашюты — два малиновых, два зеленых. Купола у них в стропы. А вокруг обычное — листочки, завиточки.

— Надо же такое изобрести! — радуется мама. — Вот тебе и древнее искусство...

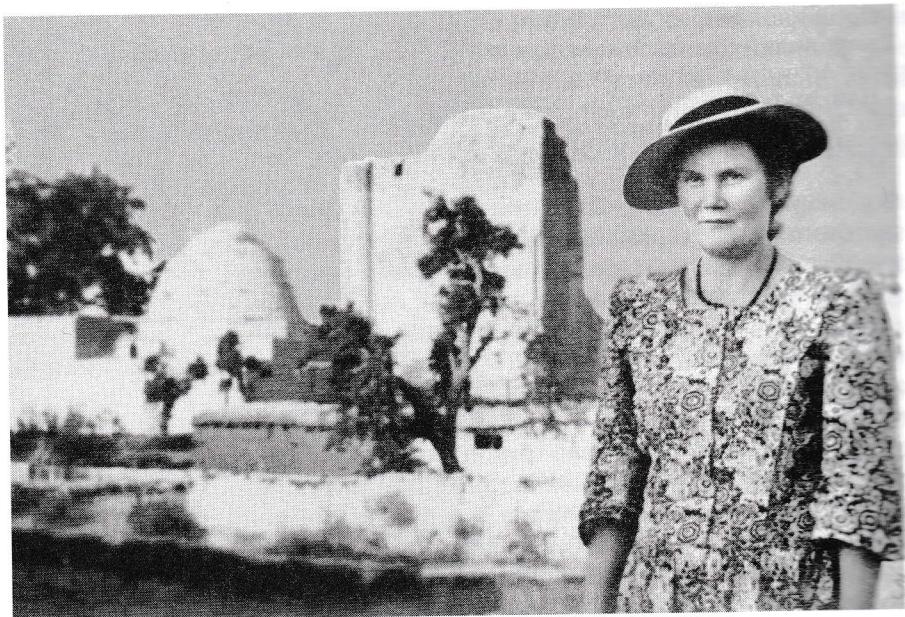
Она быстро задает парандже вопросы, и я понимаю: плакали наши денежки. Сейчас она купит тюбетейку для музейной коллекции⁶⁷.

В Самарканд зимой 1942 г. приехала в эвакуацию Т.А. Жданко со своими четырехлетними дочерьми-близнецами и матерью. Татьяна Александровна сразу стала работать в музее, готовить выставку о героях войны⁶⁸. Ольга Александровна пригласила их поселиться в доме на Некрасовской, где она жила с мужем, двумя дочерьми, теткой и домработницей. Там нашлось место и для родственников, переживших блокаду в Ленинграде. Кто-то жил за ширмой, кто-то в темной комнате, кто-то на веранде. Рубен Агабекович во время войны работал в агитмастерской, созданной художниками Самарканда, и подолгу уезжал в Ташкент, куда был направлен руководить работой народных мастеров по оформлению Театра им. Хамзы. Жданко вспоминала, что в то время они питались в основном черепахами, и когда Рубен Агабекович бывал в Самарканде, он помогал им разделять. За черепахами выезжали в степь всем коллективом музея. Е.Р. Акбальян описала, как тяжело было женщинам убивать и разделять этих животных. Однако черепашьи супы помогли выжить в те полуголодные годы. “Рядом с машевыми супами и пловом из джугары они были потрясающие, неправдоподобно вкусны, они имели вкус еще той, довоенной жизни”⁶⁹.

Сухарева продолжала трудиться в музее до 1946 г., в последние годы — по совместительству, так как одновременно работала доцентом на кафедре истории Самаркандинского педагогического института (1943–1944) и истфака УзГУ (1944–1946). Она читала курсы общей этнографии и этнографии народов Средней Азии⁷⁰. Одним из ее слушателей был будущий американский советолог М. Ривкин, который в те годы был эвакуирован в Самарканд. В 1990 г. он показывал автору этой статьи свою зачетку с росписью Ольги Александровны, которая поставила ему оценку “хорошо” за экзамен по общей этнографии.

В 1946 г. Сухарева с семьей переехала в Ташкент. Она стала работать в Институте истории и археологии АН Узбекской ССР⁷¹ сначала старшим научным сотрудником, а с 1952 г. — зав. сектором этнографии. В 1950-е годы в секторе работали кандидаты наук Ш. Иногамов, М. Бикжанова, К. Шаниязов, Ф. Арипов, И. Джаббаров, несколько лаборантов и аспиранты. По воспоминаниям Т.Х. Ташбаевой, работавшей в секторе в 1960-е годы, Ольга Александровна была строгим и требовательным зав. сектором, и ее “боялись”. Думается, это было связано с огромным объемом коллективных работ, которые выполнял сектор в то время. В середине 1950-х годов шла работа над главами для “Истории Узбекской ССР”, разворачивалось этнографическое исследование колхозного крестьянства, требовавшее организации нескольких постоянных экспедиций⁷², одним из результатов которого стала известная монография О.А. Сухаревой и М.А. Бикжановой о селении Айкыран⁷³, начиналась трудоемкая работа над главой “Узбеки” для серии “Народы мира”. Кроме того, у каждого сотрудника была и своя научная тема. Все это требовало от Ольги Александровны четкой организации коллективной работы.

Возможно, ее требовательность к сотрудникам своего сектора объяснялась еще и тем, что она хотела оградить их от придирок дирекции. Отношения О.А. Сухаревой с директором Института Я.Г. Гулямовым⁷⁴ были очень непростыми. Каковы были причины этого, сейчас трудно сказать. Вероятно, не последнюю роль играл и независимый характер Ольги Александровны, умеющей

О.А. Сухарева в Бухаре. 1948 г.

отстаивать свое мнение не взирая на лица. Родным она жаловалась на “душную атмосферу” в Институте. Директор позволял себе вмешиваться в работу отделов: брал на работу сотрудников, не советясь с зав. секторами, указывал лаборантам, что именно им делать и по какой теме работать. Ни одно предложение Ольги Александровны по кадрам не было принято. Сухарева не боялась выступать против действий директора на партбюро, хотя и не состояла в партии, и на Ученом совете или высказать ему претензии лично, когда не пропускали к защите, к примеру, диссертацию М.А. Бикжановой или посыпали на уборку хлопка аспиранта, которого сектор направлял в Москву. В 1958 г. на заседании Ученого совета директор предложил принять постановление о том, что Сухарева сорвала государственный план (не закончила к сроку работу по “Бухаре”, о чем речь пойдет ниже) и занялась “обогащением”: вышла в свет новая редакция перевода повести Айни “Смерть ростовщика”, сделанного Ольгой Александровной в 1956 г., и были прочитаны 4 лекции по исламу, бесплатно (!), “с великой для меня тяготой”, – как говорила она сама. Необъективность такого утверждения была столь очевидной, что Ученый совет не поддержал своего директора. Впоследствии Ольга Александровна рассказывала, что эта “клевета”, как она ее называла, получилась настолько некрасивой и неправдоподобной, что ей удалось при этом сохранить уравновешенность и спокойствие. Однако, как она писала своим близким: “⟨...⟩ что и говорить, работать это мешает и еще будет мешать. Как это надоело – ведь вся работа в Академии шла через эти препятствия, не имеющие никакого отношения к науке”. Несколько раз Сухарева обращалась в дирекцию с просьбой освободить ее от заведования сектором.

В Ташкенте Ольга Александровна продолжала разрабатывать научные темы, начатые ею в Самарканде. Она опубликовала в разных изданиях несколько статей, посвященных народному декоративному искусству и художественным ремеслам, среднеазиатским головным уборам, культу мусульманских святых⁷⁵.

Но самой главной и любимой ее работой в ташкентский период жизни стало этнографическое исследование Бухары.

Ольга Александровна не раз писала, что идея монографического изучения среднеазиатского города по этнографическим данным зародилась у М.С. Андреева, который выбрал объектом изучения Бухару. В 1940 г. он возглавил экспедицию САГУ в составе М.С. Юсупова, Н.В. Русиновой, О.Д. Чехович и Л.И. Ремпеля. Однако эта работа была прервана из-за войны. После переезда Сухаревой в Ташкент, он привлек ее к этому исследованию, и в 1947 г. они вместе ездили в Бухару. Затем Ольга Александровна совершала поездки в Бухару ежегодно до 1950 г., а также в 1956 и 1960 гг. В 1948 г. кроме Бухары она работала еще и в Карши и Шахрисабзе⁷⁶.

Работа над “Бухарой” шла параллельно с множеством других тем и организационных дел. В письмах 1955, 1956, 1958 гг. Ольга Александровна постоянно писала о всяческих задержках и затяжках, мешающих ей работать над своей основной темой, о том, что дирекция Института “наседает” с окончанием “Бухары”, но творческого отпуска для ее завершения не дает: “⟨...⟩ меня здесь просто заклевывают за затяжки, хотя все знают, что они происходят из-за того, что мне приходится делать все новые и новые работы по поручению того же начальства ⟨...⟩” (1955); «А это для меня просто зарез (медленная работа над главой “Узбеки” для “Народов мира”. – О.Н.), так как сдав “Узбеков”, я смогу взять творческий отпуск для окончания “Бухары”, на что мне нужно не меньше 6 месяцев, совершенно свободных от других работ» (1958, середина января); «Я нахожусь уже на последнем издыхании, устала, рвусь к “Бухаре” ⟨...⟩» (1958, середина мая).

Не помогли и ходатайства Москвы. Во время обследования Института комиссией АН СССР, Ольга Александровна обсуждала свою тему с возглавлявшим эту комиссию академиком М.Н. Тихомировым. “⟨...⟩ он чрезвычайно поддержал и одобрил все мои аспекты и поздравил с удачной темой. А еще, может быть, важнее было то, что он сказал руководству о необходимости создать условия для завершения работы”, – писала она в 1956 г. Т.А. Жданко. Тут же она описывает “комическую” ситуацию, связанную с ее темой. Другой член комиссии, И.И. Смирнов, на заседании Ученого совета Института заявил, «что недостатком наших планов является отсутствие в них актуальных, острых тем, и что единственной такой темой является “Позднефеодальный город”. Наши несмело напомнили, что есть и еще актуальные темы, вроде колхозного строительства, но Смирнов стоял на своем. Несмотря на комизм утверждения, я была ему очень благодарна: в результате, думаю, что год мне будет обеспечен полностью». Но отпуска Ольга Александровна так и не получила.

Несмотря на огромный объем работы, Сухарева успевала писать статьи, в которых решала вопросы, встававшие перед ней при разработке ее основных тем. Так, в начале 1958 г. она интересуется у Жданко, нельзя ли издать ее большую статью (4 а.л.) по ремеслу. «Расписавшись, – пишет она далее, – продолжила уже в специальной статье – “К вопросу о генезисе профессиональных культов”, в которую вложила давно вынашиваемые мной мысли о ремесле, вышивальном искусстве, шаманстве и знахарстве, связанных единой идеей, единой концепцией» (1958, конец января – февраль)⁷⁷. В том же году она предлагает Жданко издать “Среднеазиатский этнографический сборник”, специально посвященный ремеслам, и опубликовать там неизданные рукописи П.А. Гончаровой по золотошвейям, Н.В. Русиновой – по набойке, М.А. Бикжановой – по ташкентским ювелирам, А.К. Писарчик – по строителям и нуратинскому ткачеству и др. Сама Ольга Александровна предлагала несколько

статей – по ткачеству, литью и ювелирному делу. Видимо, эта идея не могла быть тогда реализована, так как несколько месяцев спустя Ольга Александровна спрашивала Жданко о возможности поместить свою статью о литье металлов в какой-нибудь этнографический сборник⁷⁸. В конце года она подготовила еще одну статью – об обработке волокна.

Работа над “Бухарой” продолжалась 15 лет. Результатом ее стала докторская диссертация о позднефеодальной Бухаре конца XIX – начала XX в.⁷⁹, которую Ольга Александровна с успехом защитила в Москве в 1962 г. Собранных материалов хватило на четыре книги общим объемом около 60 печ.л.⁸⁰

*6 марта
1963 г.*

Много сил было отдано еще одной работе – главе “Узбеки” для среднеазиатских томов серии “Народы мира”. Письма Сухаревой, сохранившиеся у Жданко, связаны в основном с этим совместным трудом. Они представляют несомненный историографический интерес, раскрывая, как шла работа над этим знаменитым изданием, и показывают огромную организационную и научную работу, которую проделала Ольга Александровна. В 1955 г. коллектив сектора обсуждал очередной вариант главы, присланный из Москвы, и “забраковал” его. “⟨...⟩ дело не только в отдельных ошибках и недостатках. Неудачна и структура ⟨...⟩ И совершенно ужасный язык. Читалось с трудом, без интереса. Я вспоминаю первый вариант ⟨...⟩ Он тоже этим отличался, был нестерпимо скучен и банален, без живой мысли”, – писала Сухарева. И далее она наметила общий план будущей работы. “Понятно, что ⟨про⟩ узбеков писать особенно трудно – материала и немало, а вместе с тем ничего глубокого нет, все разрозненные куски. Тут надо писать, владея материалом собственным, при том не по одному району, а по всем важнейшим – либо иметь возможность пополнить недостающий расспросами. Видимо, надо организовать авторский коллектив и сделать эту работу всем скопом, один человек этого не сможет. Как это организовать при нашей занятости выше головы – я не представляю” (1955, июль).

Кроме организационных проблем были и научные. “Вы правы, – пишет Ольга Александровна в следующем письме, что самое трудное – это сделать работу этнографической, и, в сущности, все мы не знаем, как это сделать” (1955, август). Трудность заключалась в том, чтобы о современной жизни написать с этнографической точки зрения. Оыта изучения того, что сейчас называется “этнографией современности”, тогда еще было мало. Уже в 1960 г., говоря о тексте “Узбеков”, отредактированном в Москве, Сухарева отмечала “недостаточный показ современных узбеков, при большом нажиме на старое. Этот недостаток имелся и в нашем варианте, а при редактировании он усилился, т.к. во многих разделах сокращение прошло именно за счет современного ⟨...⟩ Слов нет, пишем мы о современном плохо, потому что это гораздо хуже изучено и хуже поддается изложению”.

Другой трудностью, которую следовало преодолеть при написании “Узбеков”, была архаизация традиционной жизни. Критикуя представленный К.Л. Задыхиной раздел о социальной организации, Ольга Александровна отмечала, что “степени родства даны только в плане классификационной системы, т.е. страшной архаики. Вообще заглублено все, архаизировано так, что наши будут возражать решительно и, я считаю, правильно” (1958, середина мая). В частности, “обрезание (кстати, в Средней Азии древних корней не имеющее) превратилось в прямую инициацию самого первобытного типа”.

Организационная работа над “Узбеками” началась в 1956 г.: был разработан проспект, Ольга Александровна формировала коллектив авторов из Москвы, Ленинграда и Ташкента по разным разделам и подразделам. Авторам была вручена их часть проспекта, получена от них более детальная разработка этих

частей. Определено количество страниц для каждого (письма 1956, 1958, май). 1957 год ушел на экспедиционные работы и написание разделов главы. Сухарева обсуждала с авторами различные аспекты их работы, переписывалась с иногородними коллегами, писала свои части к разделам “Основные занятия”, “Города и селения”, “Одежда”, “Общественный и семейный быт”. В 1958 г. она начала собирать авторские тексты.

В одном из писем Ольга Александровна описывала свою работу с авторами: “(...) до обсуждения целых разделов много раз порой читаем вместе с каждым написанное им (...) только тогда получается в какой-то мере в общем плане и интересно. Но боюсь даже называть Вам число страниц, которое мы, вероятно, Вам представим. Так как каждый должен для раздела, который он пишет, все додумать, доказать и сформулировать, получаются целые маленькие исследования каждого вопроса” (1958, середина мая). Такое исследование, в частности, вышло у Б.Х. Кармышевой, которая, как писала О.А. Сухарева, «прислала нам очень хорошую, обстоятельную статью по племенам, но также, как и я с “Ремеслом”, в 4 раза больше лимита. Она сделала это тоже сознательно, чтобы получилась обоснованная и прежде всего для себя, а потом и для читателя решенная сводка, так как пока таких сводок еще нет. Получилось, действительно, нечто цельное и новое» (1958, конец января–февраль).

К концу мая 1958 г. почти все тексты были получены, хотя некоторым авторам приходилось телеграфировать по несколько раз. В это время Ольга Александровна сообщала Жданко: “Первый этап работы – сориентирование всех шести разделов – подходит к концу (...) Чувствую, что мы взваливаем на вас большой труд – читать все наши сотни страниц, – но иного выхода, видимо, нет. Но я уверена, что, благодаря тому, что каждый вопрос был изложен полно, со всеми фактами, статья выиграет. Конечно, избранный нами путь – более трудный, более долгий, но зато он обеспечивает публикацию не сводки старых материалов, а сводку того, что еще не всегда опубликовано”. В дальнейшем Сухарева предполагала “серезную редактуру” и уже ее проводила: “Я, как руководитель всей этой работы, провожу работу с авторами и с редакторами отдельных разделов, например, с Вахабовым⁸¹, который закончил редактировать весь I раздел (этническая история), я много раз имела беседы и в ходе его работы как автора отдельных частей этого раздела, и после того, как он объединил в одно целое все части, написанные Ш. Иногамовым, Кармышевой, Задыхиной и им самим. Как раз сейчас он правит этот текст по моим замечаниям”. Затем предполагалось послать текст в Москву, в сектор Средней Азии и Казахстана, потом исправить по полученным оттуда замечаниям, обсудить и подвергнуть сокращению (1958, 31 мая). В целом Ольга Александровна, несмотря на все трудности этой работы (“она прямо меня измучила”), была очень довольна результатом: “Но хотя все, конечно, еще сырь, мне нравится, кажется очень интересным. Сокращать будет нелегко – слишком уже мы превысили лимит, но зато каждый вопрос всесторонне разработан и на сегодняшнем уровне решен (...) Не знаю еще, что выйдет в конце концов, но пока какое-то чувство удовлетворения у меня есть” (1958, 31 мая).

Весь собранный текст Сухарева предполагала за два года переработать в две коллективные монографии объемом более 20 а.л. каждая – “Узбеки” (на узбекском языке) и “Очерки по этнографии узбеков” (на русском) – и издать их в Ташкенте.

1958 год был для Ольги Александровны очень напряженным. Два месяца ушло на подготовку к печати и редактирование книги В.Г. Мошковой о среднеазиатских коврах. Валентина Георгиевна Мошкова была ее однокурсницей. С 1929 по 1945 г. она собрала ценнейший материал о ковроделии и коврах, но

не успела его опубликовать. В конце жизни она сильно болела. Узнав о ее болезни, Ольга Александровна перевезла ее к себе, ухаживала за ней. В.Г. Мошкова умерла у нее на руках в 1952 г.⁸² После смерти Мошковой ее архив разбрала Анна Сергеевна Морозова, близкий друг ее и О.А. Сухаревой. Ольга Александровна была ответственным редактором монографии, которая готовилась к изданию, однако она активно участвовала и в написании текста, и в подборе иллюстраций и пр. Работа началась, вероятно, в середине 1950-х годов. В 1956 г. Ольга Александровна писала Жданко, что А.С. Морозова «очень успешно над ней трудится, подготовили превосходные таблицы элементов, готовим фото. В этом году будет завершено “Ковроделие в Узбекистане”, на будущий год – Туркмени». Предполагалось завершить эту работу в 1959 г. Однако «президент (АН Узбекской ССР. – Авт.) внес “Ковры” в список работ, издаваемых к конгрессу». Сухаревой и Морозовой пришлось “очень напряженно работать” и срочно за два месяца закончить работу. “Анна Сергеевна очень много потрудилась, мы с ней и ссорились на этом много раз (...) чуть не до слез”. “И пришлось очень многое сильно править, а подчас, вместе с Анной Сергеевной, писать кусками заново”, – писала Ольга Александровна в 1958 г. Осенью книга В.Г. Мошковой уже была сдана в издательство. В результате такой напряженной работы (кроме всего перечисленного, она написала за этот год еще 10 а.л. “Бухары”) Ольга Александровна на два месяца попала в больницу с головными болями – «прикончила голову на редактировании “Ковров”», – как говорила она сама. Однако книга В.Г. Мошковой “Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX в.” вышла в свет только в 1970 (!) г.

Среди многих трудов, которые Сухарева предлагала для публикации в Москве, была небольшая брошюра “Ислам в Узбекистане”. Первоначально она была написана как глава для монографии “Таджики”, которую планировала выпустить Таджикистанская база АН СССР совместно с ИЭ. Война прервала эту работу, и монография осталась незаконченной⁸³. Ольга Александровна предприняла попытку опубликовать эту главу, переработав ее в книгу, отдельным изданием в Узбекистане. Здесь она должна была выйти в сокращенном и “облегченном” виде, а исследовательница хотела бы сохранить ее научный характер. В 1955 г. она написала Т.А. Жданко: «(...) нельзя ли издать у вас мой “Ислам”, который рецензировал Глеб Павлович (Снесарев. – О.Н.). Его приняли тут очень хорошо и будут печатать в сокращенном виде, так как выяснилось, что та серия, для которой он предназначался, предназначена для весьма широкого читателя, в то время как моя работа, по существу, является научно-исследовательской, да к тому же и велика (там 4 листа). В свое время на ту работу, которую я писала для монографии “Таджики”, во многом послужившую основой для написания этой работы, весьма положительную рецензию дал Крачковский (...) Он отметил, что материал свежий, рисует не ислам вообще, а специфические среднеазиатские его формы. Это же отмечено и в рецензии Глеба Павловича (...) В этом случае, т.е. если моя работа будет издаваться у вас, научным изданием, я снабжу ее ссылками и кое-что интересное еще добавлю, в частности, по доисламским верованиям (...) Работу в таком расширенном виде могла бы представить к концу года» (1955, июль).

Видимо, Т.А. Жданко обнадежила Ольгу Александровну, потому что через месяц она написала, что ее очень порадовал хороший отклик на ее предложение. Она намечала переработать и дополнить текст, расширить его до 5 а.л., дать иллюстрации. “Все же эта тематика очень мне близка и интересна”, – заключила она. Однако по каким-то причинам издание “Ислама” в Москве не состоялось, и Сухарева опять пыталась пристроить его в Ташкенте.

В 1957 г. "Ислам" стоял в плане издательства АН УзССР. «Мой "Ислам" ~~принес мне неожиданную популярность~~, – писала она (...) Ведь у нас во всем ~~Советском~~ никто сейчас как следует этим не занимается, ни в общем плане исламо-~~издания~~, ни в плане ислама у различных народов» (1957, конец ноября – начало декабря). Однако в конце 1957 г. издательство сильно сократило выпуск гуманитарных изданий, в частности, выпал из планов и "Ислам". В 1958 г. Ольга Александровна вновь надеялась, что он «поднимется на гребне волны, идущей из Москвы: получено из весьма авторитетных кругов письмо, в котором указывается, что антирелигиозная работа по исламу заброшена, и что это потому, что не ведется исследований. Готовится проект решения президиума, где в одном из пунктов – об издании моего "Ислама"». В результате "Ислам в Узбекистане" был издан в Ташкенте в 1960 г. Брошюра, как писалось в аннотации, была "расчитана на агитаторов и пропагандистов, на широкие массы читателей". На самом деле эта работа сохранила свой научно-исследовательский характер, но в связи с условиями издания пришлось снабдить ее "антирелигиозным" введением. И все же, несмотря на вынужденные идеологические штампы той эпохи, она остается классическим этнографическим исследованием бытового ислама.

В 1967 г. Сухарева, выйдя на пенсию, переехала из Ташкента в Москву, к младшей дочери. Прежде чем оставить Институт истории и археологии АН УзССР, Ольга Александровна хотела убедиться, что на ее место будет назначен человек, который не развалит работу сектора. "Учтя ситуацию в Институте, – писала она Жданко, – я хотела воздержаться от указания кандидатуры (как бы не стали, под указку Я., действовать наоборот), но указать просили настойчиво, и я указала Шаниязова. Это человек порядочный, единственный, кто по велению сердца занимается у нас с молодежью". Ольга Александровна уехала только после того, как К. Шаниязов действительно стал заведующим сектором. В Ташкенте Сухарева оставляла и своих аспирантов. В том же письме она писала: "Пока буду срочно заканчивать руководство аспирантами и младшими (научными сотрудниками. – Авт.), которые работают над диссертациями". Однако после ее отъезда дирекция Института заставила некоторых из них изменить тему и отказаться от своего научного руководителя.

Сразу после переезда Сухаревой в Москву зав. сектором Средней Азии и Казахстана ИЭ Татьяна Александровна Жданко стала добиваться зачисления Ольги Александровны в сектор. Она писала в докладной записке директору Института Ю.В. Бромлею: "Невозможно нашему сектору и Институту в целом, при наличии в Москве этнографа такого масштаба, как О.А. Сухарева, не принять все возможные меры для вовлечения ее в разработку наших проблем (...) Прошу дирекцию обратиться в Президиум с ходатайством о предоставлении Институту такой возможности, учитывая особые обстоятельства – переезд в Москву одного из сильнейших специалистов-этнографов Средней Азии, который несмотря на возраст (1903 г. рожд.) работает деятельно и плодотворно, год за годом издавая ценные и оригинальные труды, основанные на своих многолетних исследованиях, и продолжая вести полевую работу". Первое время Ольга Александровна работала в ИЭ неофициально, а с октября 1968 г. была зачислена на должность старшего научного сотрудника на общественных началах и не получала зарплаты. Ей предлагали перейти в Институт востоковедения, и она уже собиралась оформляться туда на работу, но Татьяна Александровна, проявив очень большую настойчивость, в мае 1969 г. добилась зачисления ее в штат старшим научным сотрудником-консультантом. Среди коллег по Институту Сухарева пользовалась глубоким уважением. Ее эрудиция поражала. По словам Н.П. Лобачевой, Ольга Александровна и "знала по Средней Азии всё".

С друзьями и коллегами в Институте этнографии АН СССР. Сидят (слева направо): Б.Х. Кармышева, Г.П. Васильева, О.А. Сухарева, Н.П. Лобачева. Стоят (слева направо): С.А. Арутюнов, М.В. Крюков, Р.Ш. Джарылгасинова. 1970-е годы

В Москве Ольга Александровна работала по нескольким темам. Она подготовила к изданию последнюю книгу по Бухаре⁸⁴, писала статьи для тематических сборников, издаваемых сектором – по поселениям и жилищу, по верованиям, по проблемам среднеазиатской семьи. Много времени уделяла консультированию и редактированию работ этнографов из Таджикистана О. Муродова, Н.О. Турсунова, защитивших докторские диссертации, аспирантов, прикомандированных и стажеров сектора из среднеазиатских республик, в частности Т. Ташбаевой, У. Джахонова, М. Хамиджановой, Р. Мустафиной и др.

Сухарева возглавила авторский коллектив по разделу “Одежда” для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Деятельным помощником Ольги Александровны в этой работе стала Н.П. Лобачева. Сухарева разработала программу изучения среднеазиатского костюма: составила методическое руководство, программы и инструкции для сбора полевых материалов по одежде, планы описания всех элементов одежды для последующего картографирования⁸⁵, координировала полевую и исследовательскую работу этнографов среднеазиатских республик и Ленинградской части ИЭ, консультировала авторов. Проблемы происхождения и развития среднеазиатского костюма увлекли Ольгу Александровну. Материал по всему региону, который проходил через ее руки, позволял прослеживать и анализировать процессы эволюции в одежде в широком географическом и временном диапазоне. В результате 15-летней работы Сухаревой и Лобачевой раздел “Одежда” Историко-этнографического атласа с картами и объяснительными записками был практически готов. Все его материалы сейчас хранятся в архиве Отдела Средней Азии и Казахстана ИЭА.

Результаты своих исследований Ольга Александровна опубликовала в первом сборнике по одежде, редактором которого она являлась⁸⁶. После ее смерти работу по разделу “Одежда” возглавила Н.П. Лобачева, она стала одним из ре-

дикторов второго сборника статей по среднеазиатской одежде. Авторы посвятили его "памяти одного из крупнейших советских этнографов, О.А. Сухаревой, положившей начало систематическому изучению костюма народов региона и на протяжении ряда лет руководившей сложной работой по созданию Историко-этнографического атласа народной одежды многонационального населения Средней Азии и Казахстана"⁸⁷.

Помимо общих проблем, касающихся традиционной среднеазиатской одежды, Ольга Александровна занялась историей самарканского костюма. Собирать материалы по традиционной одежде она начала работая еще в музее в Самарканде одновременно с изучением вышивки. Свою методику датировки вышивок, базирующуюся на составлении многочисленных описаний приданых, исследовательница применила и для определения времени бытования предметов одежды, что позволило ей проследить историю самарканского костюма с середины XIX в. Собранный материал она обобщила в рукописи, написанной в 1945–1947 гг., и частично опубликовала в статьях⁸⁸. Работая над темой "Одежда" для Атласа, Ольга Александровна могла по-новому взглянуть на свое прежнее исследование, переработать его и привлечь широкий сравнительный материал. В 1969–1973 гг. она ездила в Самарканд и собрала там дополнительные сведения для монографии⁸⁹. Эта книга оказалась последней, опубликованной Сухаревой. Она вышла из печати уже после ее смерти.

* * *

Этнография была для Ольги Александровны главным делом жизни, которому подчинялись все остальные ее занятия: она могла пожертвовать многим ради науки. Как вспоминала ее дочь, она с легкостью отказывалась от посещения какой-нибудь художественной выставки или, к примеру, концерта Ойструха, если могла отдать эти часы работе. Тем тягостнее было тратить время на "борьбу" с начальством в Ташкенте или на написание каких-то "побочных" работ. "Какое безумие откладывать крупные работы, – писала она Жданко по поводу болезни своего коллеги, археолога В.А. Шишкина, исследовавшего городище Варахша (...) Не дай бог, останется его Варахша! А он тут пока пишет о воссоединении украйинцев и пр. (...) Каждый раз думаю – лишь бы успеть сделать что-нибудь толковое! А пока дни бегут в повседневных делах, писать удается лишь урывками" (1956). Работоспособность ее была поразительна. Написать за один год 10 листов "Бухары", 4 листа раздела для "Узбеков", несколько крупных статей, да еще отредактировать монографию М.А. Бикжановой, "Ковры" В.Г. Мошковой, а также собрать и отредактировать главу "Узбеки" для "Народов мира" – и это только то, что мы знаем из ее писем! Правда, 1958 г. по интенсивности работы был

мои дома, хоть и привыкли к этому, запротестовали".

Выдержать такую нагрузку можно было при хорошем здоровье, четкой организации труда и внутренней дисциплине. Еще со времени работы в музее в Самарканде Ольга Александровна выработала привычку спать днем. Благодаря этому она могла работать до глубокой ночи, и, может быть, именно эта привычка позволила ей сохранить острый ум, хорошую память и высокую работоспособность до последних дней жизни. Однако она всегда внимательно наблюдала за собой – "не пора ли, – как пишет она в одном из писем, – в тираж". "Нед

давно убедилась, что голова и память пока не изменяют, – сообщала она Жданко, – написала статью “К вопросу о генезисе профессиональных культов (...). Все нужные факты подбирались по памяти – только проверяла. Какая-нибудь беседа, происшедшая пару десятков лет тому назад, в нужном месте вставала с такой ясностью, как если бы это было вчера. Очень была этим довольна”. В письмах она часто говорила о здоровье, но всегда лишь в связи с тем, как ей работает. И с присущим ей оптимизмом даже нездоровье использовала в “собственных целях”: ухаживая за лежачей родственницей, надорвала спину – зато можно целый день просидеть за рабочим столом.

Четкая организация – еще одно условие плодотворной работы. Планируя коллективные труды, например, по “Узбекам” или “Одежде” для Историко-этнографического атласа, Ольга Александровна составляла подробные программы для каждого автора, который четко знал свои задачи, сроки и объем работы. Так же Ольга Александровна любила организовывать и свой труд. К примеру, работая в ИЭ, она всегда заполняла планкарту и писала планы и годовые отчеты о проделанной работе, хотя ее должность консультанта не предусматривала этого.

С предельным вниманием она относилась к работам более молодых коллег, всячески способствуя их публикации, если видела в их работах настоящий этнографический материал. Так, в середине 1960-х годов, получив 80-страничную статью Ф.Д. Люшкевич об ирони, она, несмотря на массу крупных и мелких замечаний, написала Т.А. Жданко: “Я знаю, что Люшкевич собрала значительный, раньше никем не поднимавшийся материал о своеобразной и слабо изученной этнической группе, опубликование такой статьи явилось бы, несомненно, вкладом. Только нужно автору доработать, и то, что в этом могла бы сделать я, я готова сделать”. Или вот как она характеризует одну из редактируемых ею монографий: “написана (...) с массой деталей, недостаточно объединенных теоретическими положениями – но такой богатый и подлинный материал, что работа будет долго служить”. Чтобы ценный, по ее мнению, материал, можно было опубликовать, она готова была бесконечно сидеть со своими аспирантами и докторантами, правя и редактируя их тексты. Она занималась с ними не только в Институте, но и у себя дома, ее квартира всегда была открыта для приезжающих из Средней Азии. Ольга Александровна чувствовала, кому и в чем надо помочь, и была очень требовательна, если считала, что человек наделен большими способностями. Л.А. Чвырь рассказывала, что когда она работала над статьей о таджикских украшениях для сборника, редактируемого Сухаревой, у нее, после замечаний и исправлений Ольги Александровны, образовалось 23 (!) варианта статьи. Сама Сухарева говорила, что надо работать с текстом, как с текстом – чем больше месишь, тем лучше результат.

С большой любовью Ольга Александровна относилась к своим информаторам. Достаточно вспомнить, с какой теплотой она говорит о них в каждой монографии, к примеру в “Бухаре”: “Жители г. Бухары оказывали автору всемерную поддержку и помошь, без которых работа не могла бы быть выполнена. Одни добросовестно старались восстановить в своей памяти пережитое и щедро делились своими воспоминаниями, другие помогали разыскать нужного, достаточно сведущего информатора (которых теперь, в смене поколений, осталось уже немногого), третья, не боясь усталости, водили к памятным местам, четвертые поддерживали своим сочувствием и интересом к проводимой работе. Многие оказывали открытое и сердечное гостеприимство. Поэтому, завершая работу, автор выражает всем этим людям свое самое искреннее уважение и благодарность, а тех, кого уже нет, вспоминает с большой теплотой и светлой гру-

стью”⁹⁰. Ольга Александровна не только “собирала материал”, но и искренне интересовалась жизнью этих людей, по-настоящему дружила с ними, была в курсе их семейных дел. После переезда в Ташкент, а потом в Москву она продолжала переписываться со своими информаторами.

Это было вообще характерно для отношения Сухаревой к людям. Она не бросала тех, с кем столкнула ее судьба, а продолжала интересоваться их делами, даже если расставалась с ними. У нее была обширнейшая переписка. В частности, она переписывалась с молодыми сотрудниками сектора этнографии Института истории и археологии в Ташкенте, которых она оставила, переехав в Москву. Она поддерживала и подбадривала их. “Письма Ольги Александровны – как от шамана”, – говорили они, настолько точно предугадывала она события, зная все треволнения их жизни. Если Сухарева считала, что человеку надо помочь, она начинала действовать. Так, увидев в Л.А. Чвырь, тогда еще лаборантке, настоящего ученого, она решила, что для сектора Средней Азии очень важно получить такого сотрудника, и стала добиваться, чтобы ее взяли на постоянную работу. Несмотря на то что Т.А. Жданко как зав. сектором поднимала этот вопрос перед дирекцией, Ольга Александровна и сама постоянно ходила к тогдашним заместителям директора С.И. Бруку и Л.Н. Терентьевой и настойчиво убеждала их. Однажды с характерным для нее мягким юмором она заявила Бруку: “Я буду действовать как этнограф”. – “Как это?” – “Магическим образом. Буду выбивать для Люси стол. Будет стол, будет и работа”. (В то время у Сухаревой и Чвырь был один стол на двоих.)

Деятельную доброту Ольги Александровны всегда чувствовали ее родные и друзья. Мы уже говорили, что в годы войны в ее доме жили семьи Жданко и ленинградских родственников. В начале 1950-х она перевезла к себе и ухаживала за смертельно больной В.Г. Мошковой. Длительное время у Сухаревой жила ее троюродная племянница, к которой она относилась как к родной дочери, а также ее тетка Марианилла Ивановна Андржеевская, которая последний год-полтора была прикована к постели и умерла на руках у Ольги Александровны. Тяжелым испытанием стала для нее прогрессирующая болезнь младшей дочери, талантливого художника, болезнь, которая постепенно лишила ее возможности двигаться.

Как Ольге Александровне удавалось совмещать свои материнские обязанности с научной работой? Конечно, помогали обе бабушки, которые жили в Сармандае по соседству. Но, естественно, большая часть забот ложилась на Ольгу Александровну. Приходилось ли ей жертвовать интересами детей ради науки или наоборот? Взрослые дочери рассказывали, как много получали они от общения с мамой именно потому, что она была по-настоящему увлечена своим делом. Обычно, занимаясь, она усаживала детей рядом с собой. “Мне всегда бы-

О.А. Сухарева. 1982 г.

ло приятно видеть ваши две головки, когда я работала", – говорила она старшей дочери. Работала и ночами, когда дети спали: "Мама пишет диссертацию о шаманстве в Средней Азии. Она работает ночами, придинув коптилку. Копоти от коптилки нет: это последняя, усовершенствованная модель (...) иногда я просыпаюсь. С трудом разомкнув веки, смотрю на маму, на ее думающее, поглощенное работой лицо. Слушаю скрип торопящегося по бумаге пера"⁹¹. Дочери Ольги Александровны не раз вспоминали, как они любили слушать разговоры приходивших к ним в гости маминых коллег. В своей книге Е.Р. Акбальян описывает впечатления от мамы периода своего военного самаркандского детства: "(...) мне нравится, что мама одержимая. У них в музее все такие. Мог же когда-то Мамед Салихович спорить с ней целый вечер из-за какого-то узбекского слова – как его толкуют в разных областях. Я люблю, когда к нам приходят маминые сотрудники. Пьют чай с тортом из сахарной свеклы и спорят, спорят. А я боюсь глянуть на маму: вспомнит про меня и ушлет спать"⁹². Очень радовалась Ольга Александровна, когда у нее родился внук: "Летом мне предстоит приятнейшее дело – ехать к Ляле (Елене, старшей дочери. – *O.H.*) и нянчиться с внуком". "Внук мой – одно очарование: синеглазый, на темечке кудряшки (...) Но жару мне задает, и мы с Мисей (Марианной, младшей дочерью. – *O.H.*), пока родители не придут с работы, крутимся с ним и с хозяйством" (из писем к Т.А. Жданко, 1958 г.).

При всей своей огромной занятости и непростых жизненных обстоятельствах Ольга Александровна оставалась настоящей женщиной. Она очень любила шить, и, несомненно, обладала талантом модельера. Сшитых ею для себя платьев немного, но каждое было шедевром швейного искусства. Она отличалась безукоярненным вкусом. Однажды коллеги по сектору подарили ей на день рождения массивную янтарную брошь, красивую саму по себе, однако с трудом можно было представить, с чем и как ее носить. И когда Ольга Александровна в следующий же присутственный день появилась с этой брошью, настолько эффектно приколовой к какой-то специально подобранной кофточке, что все невольно зааплодировали. Любила она и готовить что-нибудь праздничное и необычное. В Ташкенте устраивала для сотрудников своего сектора чаепития с пирогами. Однажды в Москве в особенно жаркое лето 1972 г. принесла в Институт бутылки с "армянским кефиром", как она его называла, заквашенным с мяты и травами, и охлаждала его среднеазиатским способом – обмотав мокрыми тряпками и поставив на сквозняк. Большим увлечением Ольги Александровны были комнатные растения, особенно фиалки. В Ташкенте в ее комнате был целый стеллаж с фиалками, и Ольга Александровна, оторвавшись от работы, обычно занималась цветами. Принесла она несколько горшочков с фиалками и в ИЭ и учила лаборантов тонкостям ухода за ними.

* * *

В одном из писем Ольги Александровны есть такая фраза: "И очень удручают в смысле перспектив для себя (...) вид постепенно и медленно умирающего у тебя на глазах и страдающего человека". Судьба избавила ее от такой участии. Попав в больницу и перенеся операцию, она была полна оптимизма, строила планы на будущее. В последний день ее навестила в больнице Е.А. Давидович, и они долго разговаривали. Через несколько часов Ольги Александровны не стало – оторвавшийся тромб закупорил легочную артерию. Смерть ее была практически мгновенной. Ольга Александровна Сухарева умерла 22 января

1983 г., не дожив меньше месяца до своего 80-летия. Она похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве.

- ¹ Цит. по: Синицына Л.А. Звезды светят всем. Душанбе, 1986. С. 171.
- ² Лунин Б.В. Биобиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Ташкент, 1977. Т. 2. С. 157–160; Жданко Т.А., Кармышева Б.Х. Ольга Александровна Сухарева (некролог) // СЭ. 1983. № 6. С. 158–160. Здесь же опубликован список работ О.А. Сухаревой; Кармышева Б.Х. К истории этнографического изучения Средней Азии в 1930–1960-е годы: Выпускники Туркестанского восточного института // ЭО. 2001. № 4. С. 106–107.
- ³ Автобиография О.А. Сухаревой написана ею от руки на стандартном бланке, занимает 2,25 страницы. Автобиография не датирована (далее – Автобиография). Записи о родителях и старших родственниках сделаны О.А. Сухаревой по просьбе младшего поколения Сухаревых на основе рассказов старших родственников, которые она слышала в детстве и юности. Написаны от руки на 8 страницах размером поллиста А-4, не датированы (далее – Записка).
- ⁴ Акбальян Е.Р. Талисман. М., 1981. Эта повесть во многом автобиографична, и те эпизоды из этой книги, касающиеся жизни О.А. Сухаревой в Самарканде, которые приводятся в статье, описывают реальные события.
- ⁵ Всего 21 письмо: 1955 г. – 2 письма; 1956 г. – 2 письма; 1957 г. – 3 письма; 1958 г. – 11 писем; 1960 г. – 1 письмо; 1966 г. – 2 письма. Все письма не датированы, но по тексту можно определить дату написания с точностью до месяца. При цитировании сокращения, имеющиеся в письмах, расшифрованы.
- ⁶ Записка. С. 7–8.
- ⁷ Там же. С. 1.
- ⁸ Там же.
- ⁹ В автобиографии О.А. Сухаревой, написанной 15 декабря 1962 г., говорится, что отец умер в 1919 г. (АИЭА. Личное дело О.А. Сухаревой. Л. 7). Это, вероятно, ошибка.
- ¹⁰ Адрес-календарь Самаркандской области на 1904 год. Самарканд, 1904. С. 4.
- ¹¹ Записка. С. 2.
- ¹² Там же. С. 3.
- ¹³ АИЭА. Личное дело О.А. Сухаревой. Л. 7.
- ¹⁴ Об И.А. Сухареве см.: Лунин Б.В. Биобиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Т. 2. С. 154–156.
- ¹⁵ Справочник и адрес-календарь Самаркандской области на 1906 г. Самарканд, 1906. С. 3.
- ¹⁶ Масальский В.И. Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1913. Т. 19. С. 695.
- ¹⁷ Записка. С. 4.
- ¹⁸ Там же. С. 4–5.
- ¹⁹ Адресная справочная книга Ферганской области на 1912 г. Скobelев, 1912. С. 4.
- ²⁰ Масальский В.И. Указ. соч. С. 706.
- ²¹ Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. Скobelев, 1909. Прил. 5.
- ²² Цит. по: Синицына Л. Указ. соч. С. 43.
- ²³ Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 9.
- ²⁴ Записка. С. 5; АИЭА. Личное дело О.А. Сухаревой. Л. 7.
- ²⁵ В своей “Автобиографии” О.А. Сухарева пишет, что она поступила в Среднеазиатский государственный университет (САГУ) на Восточный факультет. Это – неточно. Туркестанский восточный институт был включен в САГУ в качестве Восточного факультета в 1924 г., когда О.А. Сухарева перешла на четвертый курс.
- ²⁶ АИЭА. Личное дело О.А. Сухаревой. Л. 3 об. 7.
- ²⁷ Лунин Б.В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // Очерки по истории русского востоковедения М., 1963. Сб. 6. С. 328–329.
- ²⁸ 20 лет Средне-Азиатского государственного университета (1920–1940). Ташкент, 1940. С. 12.
- ²⁹ Литвинский Б.А. Предисловие // Акрамова Х., Акрамов Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Душанбе, 1973. С. 6.
- ³⁰ Лунин Б.В. Из истории первого... С. 333–334.

- ³¹ Лунин Б.В. Биобиблиографические очерки... С. 157.
- ³² Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. М., 1971. С. 77–79.
- ³³ Лунин Б.В. Из истории первого... С. 335, 344.
- ³⁴ Литвинский Б.А. Указ. соч. С. 5–6.
- ³⁵ АИЭА. Личное дело О.А. Сухаревой. Л. 7.
- ³⁶ Сухарева О.А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды таджиков к[ишлака] Шахристана // Сборник научного кружка при востфаке САГУ. Ташкент, 1928. Вып. 1. С. 73–89.
- ³⁷ Цит. по: Синицына Л. Указ. соч. С. 51, 52.
- ³⁸ Улуг-Зода С. Утро нашей жизни. М., 1962. С. 161.
- ³⁹ Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М. Востоковед Михаил Степанович Андреев. С. 87–88.
- ⁴⁰ АИЭА. Личное дело О.А. Сухаревой. Л. 7.
- ⁴¹ Улуг-Зода С. Указ соч. С. 254.
- ⁴² Там же. С. 263.
- ⁴³ Автобиография. С. 1.
- ⁴⁴ Синицына Л.А. Указ. соч. С. 44.
- ⁴⁵ Растрогуева В.С. Изучение таджикского языка в СССР // Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1962. С. 40–41.
- ⁴⁶ Андреев М.С. Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров. Ташкент, 1930.
- ⁴⁷ Растрогуева В.С. Указ. соч. С. 42.
- ⁴⁸ Синицына Л.А. Указ. соч. С. 44. Об этом же говорила и Т.А. Жданко.
- ⁴⁹ Автобиография. С. 1.
- ⁵⁰ Синицына Л.А. Указ. соч. С. 44.
- ⁵¹ АИЭА. Личное дело О.А. Сухаревой. Л. 8.
- ⁵² Айни С. Смерть ростовщика / Пер. с тадж. О. Сухаревой. Сталинабад; Ленинград, 1941; Айни С. Смерть ростовщика: Повесть. (В новой доп. ред.) / Пер. с тадж. О. Сухаревой. Сталинабад, 1957.
- ⁵³ Муллоджанова З. Стиль оригинала и перевод (К проблеме изучения прозы С. Айни). Душанбе, 1976. С. 82–83.
- ⁵⁴ Юсупов М.С. 50 лет Самаркандского музея. 1896–1946. Самарканд, 1948. С. 5–8; Сухарева О.А. Этнографическая работа Самаркандского музея // СЭ. 1949. № 1. С. 198.
- ⁵⁵ С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков // ЭО. 1994. № 1. С. 122.
- ⁵⁶ Садыкова Н.С. Музейное дело в Узбекистане. Ташкент, 1975. С. 119–120; Лунин Б.В. Биобиблиографические очерки... С. 154; Юсупов М.С. Указ соч. С. 5, 11.
- ⁵⁷ Сухарева О.А. Этнографическая работа Самаркандского музея. С. 198–199.
- ⁵⁸ Сухарева О.А. Сузани: Очерки истории среднеазиатской декоративной вышивки: Рукопись. С. 1. Рукопись этой книги была полностью подготовлена О.А. Сухаревой к печати в 1982 г. Сейчас она хранится у ее дочери Е.Р. Акбальян, которая собирается предложить ее опубликовать одному из научных издательств. Основой ее послужила рукопись Ольги Александровны, написанная в 1940 г.
- ⁵⁹ Жданко Т.А. Интервью, данное автору статьи 8 апреля 2003 г.
- ⁶⁰ Садыкова Н.С. Указ. соч. С. 169.
- ⁶¹ См., например: Сухарева О.А. Среднеазиатское искусство вышивки (о книге Н. Исаевой-Юнусовой “Таджикская вышивка”) // СЭ. 1981. № 3. С. 151–158.
- ⁶² Садыкова Н.С. Указ. соч. С. 169.
- ⁶³ Юсупов М.С. Указ. соч. С. 36.
- ⁶⁴ Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 9–10.
- ⁶⁵ Синицына Л.А. Указ. соч. С. 128.
- ⁶⁶ См. об этом: Юсупов М.С. Указ. соч. С. 36.
- ⁶⁷ Акбальян Е.Р. Талисман. С. 82–83.
- ⁶⁸ С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков. С. 125.
- ⁶⁹ Акбальян Е.Р. Талисман. С. 62–67.
- ⁷⁰ Автобиография. С. 1–2; АИЭА. Личное дело О.А. Сухаревой. Л. 3 об.
- ⁷¹ Одновременно с работой в Институте истории и археологии в 1947 г. О.А. Сухарева была доцентом исторического факультета САГУ (она читала курс “Художественные ремесла Узбекистана” на искусствоведческом отделении). См.: АИЭА. Личное дело О.А. Сухаревой. Л. 3 об., 8.

- ⁷² Сухарева О.А. Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии // СЭ. 1955. № 3. С. 30–42.
- ⁷³ Сухарева О.А., Бикжанова М.А. Прошлое и настоящее селения Айкыран: Опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области. Ташкент, 1955.
- ⁷⁴ Я.Г. Гулямов – доктор исторических наук, специалист по древней истории Узбекистана, археолог – в 1956–1959 гг. исполнял обязанности директора Института истории и археологии АН Узбекской ССР.
- ⁷⁵ Сухарева О.А. Художественные ремесла Узбекистана // Звезда Востока. Ташкент, 1948. № 9. С. 108–117; *Она же*. К истории художественного ремесла в Узбекистане (производство табакерок) // Сб. МАЭ. М.; Л., 1953. Т. XIV. С. 119–139; *Она же*. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана: Текстиль. Ташкент, 1954 (в соавт. с В.Г. Мошковой, А.К. Писарчик и П.А. Гончаровой); *Она же*. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана (в соавт. с Б.Н. Засыпкиным и В.Г. Мошковой). М., 1955; *Она же*. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник, I. М., 1954. С. 299–353; *Она же*. О культе мусульманских святых в Средней Азии // Труды Института истории и археологии АН УзССР. Ташкент, 1951. Вып. 2. С. 159–178.
- ⁷⁶ Сухарева О.А. Бухара. XIX – начало XX в.: Позднефеодальный город и его население. М., 1966. С. 19, 21; *Она же*. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX в.: Автографат. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1962. С. 7; *Она же*. К истории городов Бухарского ханства: Ист.-этногр. очерки. Ташкент, 1958. С. 12.
- ⁷⁷ Опубл. в кн.: Сборник памяти М.С. Андреева / Тр. АН Тадж. ССР. Душанбе, 1960. Т. 120. С. 195–207.
- ⁷⁸ Опубл. в кн.: Занятия и быт народов Средней Азии: Среднеазиатский этнографический сборник, III. Л., 1971.
- ⁷⁹ Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX в.
- ⁸⁰ Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства; *Она же*. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX в. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962; *Она же*. Бухара. XIX – начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966; *Она же*. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976.
- ⁸¹ М.Г. Вахабов – доктор исторических наук, специалист по новой и новейшей истории Средней Азии. С 1961 г. – зав. отделом новой истории Института истории и археологии АН УзССР.
- ⁸² Синицына Л.А. Указ. соч. С. 105.
- ⁸³ Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.) Душанбе, 2002. С. 21.
- ⁸⁴ Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары.
- ⁸⁵ По мнению Н.П. Лобачевой, методические программы О.А. Сухаревой по сбору и обработке материалов по одежде великколепно разработаны, и их публикация стала бы огромным подспорьем для этнографов, занимающихся материальной культурой. (Хранятся в отеле Средней Азии и Казахстана ИЭА РАН.)
- ⁸⁶ Костюм народов Средней Азии: Ист.-этногр. очерки. М., 1979.
- ⁸⁷ Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 4.
- ⁸⁸ Сухарева О.А. К истории костюма Самарканда // Бюл. АН УзССР. 1945. № 11–12. С. 38–41; *Она же*. Древние черты в головных уборах народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник, I. М., 1954. С. 299–353.
- ⁸⁹ Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма: Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). М., 1982.
- ⁹⁰ Сухарева О.А. Бухара. С. 21.
- ⁹¹ Акбальян Е.Р. Талисман. С. 79.
- ⁹² Там же.